

Наталья МОРЖИНА

Москва

Родилась в Красноярске. Член Союза журналистов Москвы с 1986 года. Стихи публиковались в «Новом Енисейском литераторе», «Енисейке». Автор книги стихов «Парад планет». Дипломант конкурса одного стихотворения 2014 года, дипломант «Нового Енисейского литератора» за 2016 год в номинации «Поэзия».

ПРИАРБАТЬЕ

Вячеславу Недошивину

*Ну что ещё могу узнать я
о переулках Приарбатя,
чего не знала до сих пор?
И всё-таки с дождём и ветром
одолеваю метр за метром
и продолжаю разговор
с домами, где живут другие,
совсем другие, не такие,
как те, которых нынче нет.
Их металлические двери
с глазками «никому не верю»
мне не способны дать ответ.
Да где же те дверные ручки,
что были не прочней, а лучше?
Ведь их касалось столько рук.
Перила те же и ступени
хранят твою походку, гений,
и втайне сберегают звук
шагов медлительных и быстрых.
И — голоса! И всхлип, и выстрел...
Я это слышу как в бреду.
Слова прощаний и прощенья.
Пасхальный гух. На угощенье
уж я-то точно не зайду.
Мелькают, ускоряясь, годы,
фигуры, лица, звуки, моды,
кипят словесные пиры.
Вот так брожу, в потёмках шаря
и всё-таки не нарушая
законов временной игры.*

Но ты же помнишь, дом, ты помнишь
тот снежный день, точней, ту полночь:
фонарь, пролётка у ворот...
Бог мой, «пролётка» да «крылатка»!
Летали люди — без оглядки,
не зная слова «самолёт»!
Так с первым и последним снегом
безумным занята я бегом.
От путешествия устал
и от переживаний прочих,
я ухожу.
Спокойной ночи,
дома с печатью на устах.

У осени ещё хватает красок,
ещё легки, непрочны облака,
и каждая нечаянная фраза
звучит как стихотворная строка —
свежо, неторопливо, музыкально —
о кружеве чугунного литья,
глинтвейне, пламенеющем в бокале,
форме листа
и смысле бытия.

Бугристы и льдисты кривые тропинки,
заборы глухи, высоки.
И каждая сука зовёт к поединку,
свирепо оскалив клыки.

Как будто не прожил и четверти жизни,
и опыта нет ни на грош —
теряешься и отступаешь. Скажи мне:
так с чем же к финалу придёшь?

Иду любоваться зимою,
красою и грацией дня.
Прошу, не ходите за мною
и не отвлекайте меня.

Не надо пустых разговоров
и сплетен о том и о сём,
когда необъятность простора
зима прямо в гушу несёт.
Нечасты подобные встречи
с зимою один на один.
Под пышным сугробом замечу
броню и сверканье льдин:
умолкло журчание речек
в преддверии всех холодин.
К нам движется, важен и вечен,
могучий Мороз-господин.

★ ★ ★

Ссутулясь на забеленной скамейке,
чернеет неподвижный человек,
и наискось, как по косо́й линейке,
под фонарём проскальзывает снег.

Снег всё идёт — густея, тяжелея.
Фонарь всё ярче нагнетает свет.
Скамейка всё белеет и белеет.
Есть силуэт.
А человека нет.

★ ★ ★

Чужой уют вечерних городов,
тебе к лицу и сумерки, и дождик.
Здесь никому ты ничего не должен,
к труду и обороне не готов,
ведь это — вечер, завершенье дня
с делами и регламентом свершений.
Помог ли этот день стать совершенней,
добрей, умнее? Успокой меня,
чужой уют. Светильники и шторы,
театр теней, мне верится, в котором
тепло и вкусно — мирно, хорошо.
Мне лужи под ноги являют отраженья
деревьев, тёплых окон, их круженье
и фонарей.
Не знаю, кто зажжёт...